

УДК 334.021.1

Светник Тамара Васильевна

*Д-р экон.наук, профессор, профессор кафедры экономики
предприятий и предпринимательской деятельности
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия
E-mail: svetnikt@mail.ru*

Федюкович Екатерина Владимировна

*канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры
стратегического менеджмента
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
Москва, Россия
E-mail: evfs@rambltr.ru*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ТРЕТЬЕЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЛНЫ НА РЫНКЕ ПРЕОБРАЗУЮЩИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Аннотация. Рассмотрены положительные и отрицательные эффекты деятельности социальных предпринимателей третьей технологической волны на рынке преобразующих инвестиций в России и мире. Показано, что это направление предпринимательства, ставшее модным, обсуждается преимущественно с положительной стороны. Не рассматриваются стратегические угрозы для развивающихся стран, заинтересованных в получении средств. Их необходимо учитывать при разработке социальных проектов, в которых России в основном играет роль получателя инвестиций.

Ключевые слова: социальный предприниматель, третья технологическая волна, преобразующие инвестиции, стратегические угрозы, рынок преобразующих инвестиций.

Статья издана по результатам проведенной II Международной научно-практической конференции «Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе» в рамках Всемирной недели Предпринимательства, кафедра Экономики предприятий и предпринимательской деятельности (ФГБОУ ВО Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, 20.11.2019 г.).

Tamara V. Svetnik

*D.Sc. in Economics, Professor of Department
of Enterprise Economics and Entrepreneurship,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia*

Ekaterina V. Fedyukovich

*PhD in Economics, Associate Professor,
Department of General and Strategic Management,
Moscow University for Industry and Finance «Synergy»
Moscow, Russia*

THIRD TECHNOLOGICAL WAVE SOCIAL ENTREPRENEUR IN THE TRANSFORMING INVESTMENT MARKET

Abstract. In this article we investigated positive and negative effects of the third technological wave social entrepreneurs activities on the market of transformative investments in Russia and the world. It is shown that such entrepreneurship has become fashionable and it is discussed mainly on the positive side. The strategic threats for developing countries interested in obtaining funds for the development of social infrastructure are not considered. They must be considered in social projects developing in which Russia plays the role of investments recipient.

Keywords: social entrepreneur, third technological wave, transformative investments, strategic threats, transformative investment market.

Введение. Социальное предпринимательство как явление и предмет анализа существуют в мире с конца прошлого века. Оно сформировало третью волну современных экономических технологий — преобразующее инвестирование, или импакт-инвестирование, принципиально отличающееся от вещественно-энергетического и информационного вложения средств. Преобразующее инвестирование обеспечивает финансовую отдачу от вложений в социальные проекты и достижение поставленных социальных целей. Третью технологическую волну сформировали предприниматели новой формации, создающие за счет внедрения преобразующих инвестиций новые мировые правила в реализации социальных проектов. Привлекательность социального предпринимательства, как правило, рассматривается только с положительных сторон, мало внимания обращается на их последствия для государств-получателей инвестиций. Особенно эту тему обходят зарубежные исследователи, чьи страны выступают в роли активных импакт-инвесторов. В России в 2013–2014 гг. о стратегических угрозах для развивающихся стран активно писал С. Б. Чернышев [1–3], нами эти вопросы рассматривались в работе [4]. Но в последнее время данная тема не популярна, хотя в современных условиях она стала еще более актуальной и значимой [5–7].

Цель и задачи исследования. Целью исследования является рассмотрение деятельности социальных предпринимателей третьей технологической волны на рынке преобразующих инвестиций. Для ее достижения поставлены задачи: охарактеризовать масштабы рынка преобразующих инвестиций, выявить тенденции

его развития; определить характеристики социальных предпринимателей и оценить последствия их деятельности; выявить стратегические угрозы для развивающихся стран, идущие от услуг зарубежных институтов инвестирования; сделать выводы относительно последствий от неучастия в третьей технологической волне России в качестве полноценного инвестора.

Методы исследования. Применен индуктивный качественный подход, предполагающий построение выводов из имеющихся данных от экспертов по социальному предпринимательству. Объектом исследования стала тема деятельности социального предпринимателя на рынке преобразующих инвестиций в мире и России. Использован комплексный подход, позволивший рассмотреть поставленные задачи с разных точек зрения и обосновать выводы.

Полученные результаты. О масштабах третьей технологической волны свидетельствуют следующие данные. Преобразующие инвестиции — предпринимательская идея Фонда Рокфеллера (2007 г.). Зоной концентрации усилий в данной сфере с 2007 г. стало международное сообщество Impact Investing («Преобразующие инвестиции»). Создана Глобальная сеть сообщества (Global Impact Investing Network), занятая разработкой технологических стандартов, продвижением компетенций и организацией поворота мирового инвестиционного мейнстрима в новое русло. Технологии преобразующих инвестиций поддерживают крупные участники фондовых рынков: J. P. Morgan, Goldman Sachs, Credit Suisse, Deutsche Bank, Prudential, UBS и др. В разработку их методологии и стандартов все больше средств вкладывают фонды Рокфеллеров, Форда, Макартуров, Омидьяров, американские и британские госструктуры [1]. Значимость преобразующего инвестирования была закреплена на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2012 г. и на встречах «Восьмерки» — G8, где они были названы «новым, динамично развивающимся направлением мирового инвестиционного мейнстрима» [8]. В России этот вид экономической деятельности стал осваиваться чуть более десяти лет назад.

Знаковым стало создание в 2007 г. фонда региональных социальных программ «Наше будущее» для реализации долгосрочных социально значимых программ и предпринимательских проектов на территории России, ускорения позитивных социальных изменений путем оказания поддержки и предоставления финансирования структурам, занимающихся решением проблем общества. Фонд «Наше будущее» взаимодействует с ведущими российскими и зарубежными организациями в данной сфере. Эксперты Фонда являются членами Совета по развитию социальных инноваций субъектов РФ при Совете Федерации с 2014 г. С 2013 г. Фонд входит в Глобальную сеть социальных инвесторов, с 2018 г. — в Азиатскую сеть венчурных филантропов, в 2019 г. Фонд стал членом европейской организации Euclid Network. Директор Фонда «Наше будущее» является членом рабочей группы по разработке дорожной карты «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» с 2013 г. [9]. В России еще не принят закон о социальном предпринимательстве и

социальных инвестициях, отсутствуют общепризнанные критерии структурирования и анализа импакт-инвестиций. Экспертами Фонда «Наше будущее» в качестве ориентира были выбраны «Цели устойчивого развития ООН», позволяющие определить принадлежность конкретных инвестиций и их результатов к сфере импакт-инвестинга [10].

Несмотря на разнообразие интерпретаций подходов к определению признаков социального предпринимательства, в целом они сфокусированы на четырех главных факторах: характеристиках социальных предпринимателей, сфере деятельности, используемых процессах, ресурсах и целеполагании. Деятельность предпринимателей имеет следующие ключевые черты:

- основная цель — решение социальных проблем;
- формирование ресурсов для решения социальных задач с использованием рыночных механизмов;
- инновационные подходы к комбинированию активов и достижению социальных целей [11].

Рис. 1. Социальные инвесторы в мире [12]

Социальный предприниматель с этих позиций рассматривается как ангел, несущий только добро. На первый взгляд, это действительно так. Поток преобразующих инвестиций с международных рынков очень привлекателен для становящихся модными «социальных предпринимателей». Средства направляются,

прежде всего, в сферу услуг, формируя массовый поток проектов модернизации социальной инфраструктуры третьих стран – медицинской, образовательной, рекреационной, природоохранной и т. п. (Рис. 1). По данным исследования Sizing of Impact Investing Market, проведенного Global Impact Investing Network (GIIN), объем рынка импакт-инвестиций в настоящее время составляет около \$502 млрд. и формируется более чем 1340 инвесторами.

Максимальная концентрация капитала наблюдается у финансовых институтов развития — 31 финансовый институт развития (DFI) управляет примерно четвертью всех активов отрасли. Но наиболее массовым является сегмент управляющих активами, насчитывающий более 800 организаций, контролирующих около 50% общего объема инвестиций социального воздействия. Большинство инвестиционных организаций относительно невелики: около половины управляют менее чем \$29 млн. каждая. Но на рынке присутствуют и крупные игроки, управляющие портфелем на сумму более \$1 млрд [10]. По данным исследования рынка преобразующих инвестиций, проводимого GIIN, в 2017 г. объем накопленных вложений в социальные предприятия в мире достиг \$114 млрд (в 2015 г. — \$77 млрд), рынок растет в среднем на 16% ежегодно [12].

Обзор публикаций по рассматриваемой проблематике свидетельствует, что даже зарубежные авторы отмечают, что фактически спектр точек зрения на социальное предпринимательство достаточно широк. Одни эксперты считают общественные цели единственной миссией социального предпринимательства, тем самым относя его исключительно к некоммерческому сектору. Сторонники другой крайней позиции относят к социальным любые предприятия, в миссии которых обозначены какие-либо социальные компоненты, даже если их главной целью является получение прибыли [11].

Российский ученый С.Б. Чернышев характеризует суть преобразующих инвестиций так: фактически Запад инвестирует не «деньги», а компетенции — промышленные, энергетические, транспортные, инженерные, правовые, социокультурные, политические и т.п. Например, строится электростанция не на коммерческой основе, а на инвестиционной: сама станция возводится как бы «в дар», т.е. на средства, привлекаемые субъектом проекта. А затем она становится ядром кластера, особой зоны или отрасли, создающих благоприятные условия для возврата инвестиций и получения прибыли всеми участниками. Идет смена рыночных ориентиров у инвесторов: от привязки к товару и управленческо-финансовым технологиям — к технологиям кооперации и установления доступа к ресурсам под события [3].

Это означает иностранное кредитование социального бюджета государств под залог их социальной инфраструктуры, а в последствии — передачу собственности и человеческого капитала к внешним инвестиционным центрам. Государства, получающие подобные инвестиции, пока не в состоянии конвертировать их в добавленную стоимость, но по обязательствам придется платить. Кризисы неплатежей приведут к социальным потрясениям.

Применительно к России угрозы вызваны тем, что фактически ввозятся не деньги, а услуги современных институтов инвестирования, которые пока не созданы в стране. Импортируются финансовые инструменты, приобретающие капитализацию только будучи включенными в циклы расширенного воспроизводства национальных ресурсов [2]. В чистой экономике единственным замыкающим ресурсом являются деньги. Зарубежные социальные предприниматели третьей технологической волны отказались от жесткой фокусировки на них, сделав замыкающим фактором национальные ресурсы третьих стран, в первую очередь, человеческие. Они умеют работать со становящимися объектами, формируемыми в сфере услуг развивающихся государств, управлять которыми в своих интересах впоследствии будут сами [4].

В России в настоящее время универсальными социальными инвесторами, поддерживающими все виды социальных направлений с широким географическим охватом, являются государство, а также негосударственный социальный инвестор Фонд «Наше будущее» [10]. Проблемы финансовых возможностей государства известны, а деятельности названного фонда явно недостаточно. Фонд выдает беспроцентные займы социальным предпринимателям. По данным на начало 2016 г., общая сумма возвратных инвестиций Фонда составила 366,5 млн р., были поддержаны 150 проектов в 48 регионах страны. Фактически имеет место низкий потенциал масштабируемости. Часто в числе социальных инвесторов называют «Норильский никель», «Северсталь», «Металлоинвест» и др. менее крупные компании, но фактически они осуществляют благотворительную деятельность. Для сравнения: согласно отчета Global Impact Investing Network, социальными предпринимателями за рубежом являются следующие инвесторы:

- Общие финансовые и специализированные институции.
- Пенсионные фонды.
- Частные фонды со специальными программами.
- Фонды, финансируемые семейными компаниями.
- Индивидуальные инвесторы [8].

Средняя рентабельность социальных бизнесов, по данным инвестиционного фонда Willow Investments, — около 5% годовых, что сравнимо со средней доходностью фондов с консервативной стратегией. Исследователи из Уортонской школы бизнеса в США подсчитали, что преобразующие инвестиции дают в долгосрочной перспективе ту же доходность, что и индекс 500 крупнейших компаний (S&P 500). Рост числа частных инвесторов привел к возникновению фондов, которые специализируются исключительно на социальных инвестициях (британские The Foundation for Social Entrepreneurs и Big Society Capital, швейцарский Swiss Investment Fund for Emerging Markets). Этому способствуют два тренда — профессионализация существующих предприятий и появление реально работающих механизмов финансирования таких проектов [12].

Угрозы для России возрастают в текущих условиях в связи с усилением внимания к краудфандингу и созданием зарубежных краудфандинговых платформ, расширяющих доступ иностранных социальных инвесторов к российским проектам. В России этих платформ еще нет [13]. Можно прогнозировать активный приток преобразующих инвестиций в инфраструктурные проекты страны. Инфраструктурные инвестиции считаются одним из самых эффективных инструментов стимулирования экономического развития. Текущий уровень потребности в инфраструктурных инвестициях в России является очень высоким: 1,6 трлн р. — прогнозная непокрытая потребность в инфраструктурных инвестициях в 2019 г. [14, с. 2]. Роль частных инвестиций низок по сравнению с развитыми странами. Недостаток средств с 2018 г. привел к обсуждению «Инфраструктурной ипотеки» как нового механизма обеспечения непокрытой бюджетными деньгами инфраструктурной потребности России, что также несет в себе угрозы [15].

Самый большой разрыв между потребностью и ее обеспечением наблюдается в транспортной инфраструктуре, который на сегодняшний день в среднесрочной и долгосрочной перспективе как в абсолютном, так и в относительном отношении останется самым серьезным. Программные расходы на 2019 г. запланированы в размере 626,9 млрд р., при этом непокрытая потребность на 2019 г. составляет 950,0 млрд р. Потенциал покрытия через ГЧП, согласно экспертным оценкам Национального Центра ГЧП с учетом существующих трендов на рынке проектов ГЧП и оптимистического прогноза по росту рынка, оценивается только в 220,0 млрд р. — 23% [14, с. 19].

Риски увеличивают концессионные соглашения, поскольку концессия по-прежнему остается основной формой реализации проектов ГЧП. Инфраструктурный экспорт и его инструменты требуют очень взвешенного подхода. Он заключается в содействии государства своим частным фирмам в конкурсах на крупные зарубежные инфраструктурные проекты, а также в подписании специальных двусторонних соглашений по поводу обмена информацией и предоставления зарубежным компаниям приоритетного доступа к инфраструктуре. Такой подход используется Японией, Китаем и Индией [14, с. 57–58].

Выводы. Россия в новую технологическую волну включена не как весомый инвестор, а преимущественно как получатель инвестиций. Стратегическая угроза принципиально нового типа от неучастия в новой технологической волне в качестве инвесторов состоит в потере суверенитета. Поэтому скорейшее включение страны в новый этап технологической волны с целью достижения лидерских позиций является важнейшей задачей. Для этого требуются эффективное взаимодействие трех сил: предпринимателей, играющих ведущую роль; государственных чиновников, предотвращающих своими действиями нарушение государственного суверенитета; интеллигенции, помогающей предпринимателям осознать свою миссию и приобрести необходимые знания для цивилизованной деятельности [4]. Пока эти силы не озабочены последствиями навязанной им

игры. Предпринимателей интересует получение предпринимательской сверхприбыли, властные структуры, в силу превышения сроков возврата капитала над продолжительностью своей службы, без затруднений принимают новые правила игры. Для изменения ситуации нужна политическая воля всех трех названных выше сил, институциональные изменения и их быстрое законодательное оформление в интересах России.

Преобразующие инвестиции из угрозы должны превратиться в технологию формирования новой социальной среды и достойного образа жизни в стране. Увеличение результативности социального предпринимательства невозможно без наращивания масштабов деятельности и создаваемой социальной и экономической стоимости.

Список использованной литературы

1. Чернышев С. Не пропустить волну / С. Чернышев // Эксперт, 2014, № 15.
2. Чернышев С. О новых подходах в экономике. Преобразующие инвестиции. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/15/ne-propustit-volnu/>
3. Чернышев С. Принцип, политика и технология роста // Эксперт, 2014, № 22.
4. Светник Т.В. Предприниматель в сфере услуг: субъектно-объектный подход к организации обучения и деятельности / Т.В. Светник, Е.В. Федюкович // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 3. — DOI : 10.17150/2072-0904.2015.6(3).14.
5. Седых О.Г. Служба социальных нянь как инновационная технология социальной работы / О.Г. Седых, Л.С. Кузина // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 23. — DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(4).23.
6. Даниленко Н.Н., Рубцова Н.В. Влияние социальных функций туризма на устойчивое развитие региона (на примере Прибайкалья) / Н.Н. Даниленко, Н.В. Рубцова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2012. — № 6 (86). — С. 47-53. — URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=15892>.
7. Ергодоева О.Б. О подходах к оценке эффективности инвестиционных проектов развития социального сектора муниципальной экономики / О.Б. Ергодоева // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2010. — № 4 (72). — С. 71–74. — URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=5876>.
8. 10 фактов о преобразующем инвестировании. Режим доступа: http://nbforum.ru/useful/social_investing/10-factov-o-preobrazueshem-investirovanii
9. Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». Режим доступа: <http://www.nb-fund.ru/about-the-fund/>
10. Инвестиции в устойчивое развитие. Режим доступа: http://nbforum.ru/useful/social_investing/investitsii-v-ustoichivoe-razvitie

11. Carnini Pulino S., Maiolini R., Venturi P. (2019) Social Entrepreneurship Policy: Evidences from the Italian Reform. Foresight and STI Governance, vol. 13, no 3, pp. 77–88. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.77.88
12. Грошева В. Мейнстрим инакомыслящих. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2018/09/28/782337-izmenit-mir>
13. 5 международных краудфандинговых платформ. Зарубежные краудфандинговые площадки. Код доступа: <https://dengodel.com/internet-biznes/-332-zarubezhnye-kraudfandingovye-platformy.html>.
14. Проект национального доклада о привлечении частных инвестиций в развитие инфраструктуры и применении механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации. – М.: Национальный центр государственно-частного партнерства. – 2018. – 78 с.
15. Идрисов Г.И., Пономарев Ю.Ю. Инфраструктурная ипотека в России: возможности и перспективы. Вопросы экономики. 2019. – №2. С. 114–133.

